

Российский Север как реальное и воображенное пространство

Михаил Агапов

От составителя

Mikhail Agapov

From the Compiler

Если работа по деконструкции образов Востока ведется уже давно, Запад проблематизирует себя как глобальный проект, а Юг все чаще рассматривается в постколониальной оптике, то Север до сих пор во многом остается романтическим мифом, что ярко проявляется, например, в популярных представлениях о северности России как ее особом онтологическом статусе. В последнее десятилетие появился целый ряд трудов, в которых северность постулируется как ключевая идентичность нашей необъятной страны. «Если в трех первых измерениях (западном, восточном и южном. — М.А.). Россия выглядит периферией ярких культур Запада, Востока и Юга, то в северном — самобытной и самодостаточной», — отмечает историк и антрополог А.В. Головнёв [Головнёв 2022: 5]. Философ А.А. Кара-Мурза занимается реконструкцией «русского северянства», определяемого им как восходящая к М.В. Ломоносову и Г.Р. Державину литературно-философская традиция идентификации России как «Севера» [Кара-Мурза 2016; 2017]. В этом ключе идея северности формулируется едва ли не как мессианская. Случай сам по себе не уникальный. Отечественные правители и ученые не раз открывали для себя северную перспективу, как правило, в условиях, когда другие направления оказывались по разным причинам труднодоступными. Накануне Русско-японской войны 1904—1905 годов, поражение в которой сподвигло царское правительство заняться развитием Северного морского пути, полярный исследователь и публицист К.Д. Носилов пророчески писал:

Мне кажется, что мы снова когда-нибудь и, быть может, даже скоро, воротимся к Северу, занявшись и увлекшись теперь Югом. Культура, разумеется, вся за Югом, но и здесь может быть добрая жизнь для русского неизнеженного чело-

века, который недаром прежде стремился сюда, на Север, словно закаляя себя, чтобы стать сильным властелином такой обширной страны, как теперь Россия¹.

Такая чувствительность к Северу, на наш взгляд, нуждается в объяснении. Прежде всего следует заметить, что приписывание культурных значений сторонам света является давней, идущей из глубины веков, традицией. Поэтому, к слову, нет никаких принципиальных затруднений в том, чтобы обосновать историко-культурную западность, восточность или даже южность России. Все зависит от точки зрения и личных пристрастий автора. Укажем в качестве примера, что ключевой для отечественных «северян» исторический деятель Петр Великий вовсе не был таким нордофилом, каким его часто представляют. Вектор geopolитических устремлений первого российского императора указывал на юг. Петр Великий был продолжателем экспансионистского южного курса своих предшественников на московском троне, мечтавших перенести Великий шелковый путь с Ближнего Востока на территорию России. Отсюда проистекала и борьба Петра за выход России к Азовскому и Черному морям, ознаменовавшая начало его правления, и мечта об Индии, захватившая воображение императора в последние годы его жизни [Анисимов 2009]. Этот пример демонстрирует, на наш взгляд, всю условность отождествления географии и идеологии, однако сама по себе эта интеллектуальная практика столь распространена, что не может быть проигнорирована. Авторов представленных в данной подборке статей интересуют различные аспекты северного (или Арктического) мифа, но все они подходят к предмету своего исследования, вооружившись инструментарием аналитического конструктивизма в духе ставших уже классическими работ Л. Вульфа [Вульф 2003] и Ю. Слёзкина [Слёзкин 2008]. В центре внимания авторов представленных ниже статей оказываются определенные нарративы и дискурсивные практики, производящие «особую» северную территориальность и идентичность.

В открывающей подборку статье **Евгения Егорова** рассматривается влияние панскандинавского «северного» проекта на политическое и географическое воображение управляемой элиты Российской империи первой половины XIX века. Автор анализирует соотношение между консервативно-монархическим понятием *le Nord* российских дипломатических депеш и публично-(макро)национальным *Norden*, закрепившимся в публичных сферах скандинавских королевств. Таким образом, в статье показывается, как имперская администрация открывала для себя новые проявления «северности» и использовала их в своей внешней политике.

В статье **Михаила Агапова** предлагается реконструкция петровского мифа как центрального пункта исторического, политического и экономического воображения группы российских предпринимателей и общественных деятелей 60–70-х годов XIX века, известных как «ревнители Севера». Раскрывается связь между сконструированным ими образом Петра I и их политическим языком и системой аргументации. Делается вывод, что обращение к действиям Петра I было для «ревнителей Севера» одним из способов риторической инструментализации своих аргументов.

Игорь Стась обращается в своей статье уже к советской «северности», точнее, к разнообразию раннесоветских арктических воображений. Автор исслед-

1 Носилов К.Д. На Новой Земле: Очерки и наброски. М.: А.С. Суворин, 1903. С. 318.

дует дискурсивные основания областного госплановского образа Обь-Иртышского сектора Арктики и Субарктики в период существования Уральской области (1923—1934), получившей под свое управление территорию северных уездов бывшей Тобольской губернии. Таким образом, Игорь Стась вскрывает существенную роль ведомственного воображения в конструировании западносибирского советского «арктизма».

Завершает подборку статья **Дарьи Пядуховой**, посвященная образам фемининности и маскулинности, формировавшимся на Тюменском Севере в 60—80-е годы прошлого века, когда там развернулась одна из наиболее громких «больших строек» позднесоветской эпохи — сооружение Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Автор показывает, как в контексте дискуссий о кризисе маскулинности в позднем СССР продвигаемые в советско-партийной печати гендерные образы первооткрывателей «большой нефти», пересобирая известные идеологические штампы, создавали новые и конкретные гендерные альтернативы для мужчин и женщин.

Таким образом, тематический блок предлагает разноплановую критическую рефлексию культурных, политических и историко-географических оснований популярного концепта «северности» России и показывает наиболее важные контексты его бытования в широком хронологическом и географическом спектре: от начала XIX и до преддверия XXI веков, от Скандинавии до Сибири.

Библиография / References

- [Анисимов 2009] — Анисимов Е.А. Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009.
(*Anisimov E.A. Petr Velikiy: lichnost i reformy*. Saint Petersburg, 2009.)
- [Вульф 2003] — Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003.
- (Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Moscow, 2003. — In Russ.)
- [Головнёв 2022] — Головнёв А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- (Golovniov A.V. Severnost' Rossii. Saint Petersburg, 2022.)
- [Кара-Мурза 2016] — Кара-Мурза А.А. Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII—XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. 2016. № 11. С. 121—134.
- (Kara-Murza A.A. Rossiya kak "Sever". Metamorfozy natsional'noy identichnosti v XVIII—XIX vv.: G.R. Derzhavin // Filosofskie nauki. 2016. №. 11. P. 121—134.)
- [Кара-Мурза 2017] — Кара-Мурза А.А. Концепция «русского северянства» в геройических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Политическая концептология. 2017. № 3. С. 187—194.
- (Kara-Murza A.A. Kontseptsiya "russkogo severyanstva" v geroicheskikh odakh G.R. Derzhavina (k voprosu o rossiyskoy identichnosti) // Politicheskaya kontseptologiya. 2017. No. 3. P. 187—194.)
- [Слёзкин 2008] — Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- (Slezkin Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Moscow, 2008. — In Russ.)